

Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения

Алиса Толстокорова

Кандидат филологических наук, доцент, независимый научный эксперт

Адрес: До востребования-67, Киев, Украина 03067

E-mail: alicetol@yahoo.com

Статья посвящена анализу социогуманитарных производных глобализации — ее эмерджентных подвидов, с которыми человечеству не приходилось сталкиваться в предшествующем историческом опыте. Они рассматриваются в контексте процесса возрастающей международной миграции и мобильности населения, вызванного глобализацией, и с точки зрения их гендерного эффекта. К ним относятся: феминизация международной миграции, обусловленная возрастанием количества независимо путешествующих женщин; глобализация заботы и ухода, вызванная «дефицитом заботы» в домохозяйствах Глобального Севера и соответствующим спросом на оплачиваемый труд женщин по уходу и заботе, предоставляемый мигрантками; глобализация наемного домашнего труда, стимулируемая новым гендерным разделением репродуктивного труда и возрастанием мировых городов, создающих спрос на рынок низкоквалифицированной трудовой силы, рекрутируемой из «новой бедноты» на периферии мировой системы; глобализация и транснационализация материнства, проистекающая из феминизации бедности и международной миграции; глобализация личной жизни, любви и интимности, являющаяся результатом деструктивного влияния мобильности населения на семейные узы и родственные отношения; глобализация желаний — «ящик Пандоры» постиндустриальной эпохи, пораженной «синдромом благополучия» и погоней за соблазнами; глобализация детства, проявляющаяся в появлении «нормативного глобального ребенка» в результате таких процессов, как международное перемещение детей без сопровождения взрослых; усыновление сирот приемными родителями из других стран, продажа детей иностранцам с целью использования в детской порнографии, проституции, секс-туризме, торговле человеческими органами и тканями, трудовом рабстве, боевых действиях, криминальном бизнесе, бродяжничестве, попрошайничестве и т. д.; глобализация риска, подстегиваемая мировой «террористической войной» и борьбой с международным терроризмом.

Ключевые слова: социогуманитарные производные глобализации, международная миграция, мобильность, забота и уход, феминизация международной миграции, глобализация

Глобализация представляет собой сложный экономический, политический, культурный и географический процесс, в котором мобильность капитала, организаций, идей, дискурсов и людей принимает все более глобальные и транснациональные формы (Moghadam, 1999). На тесную взаимосвязь процессов глобали-

зации и мобильности, придающих эпохе постмодерна характер «мира потоков» (Harvey, 1989: 240), указывают многие выдающиеся мыслители современности. Британский философ и социолог Зигмунт Бауман определяет нынешнее состояние мира как «текущую современность» (Бауман, 2008), а его соотечественник, автор «парадигмы мобильности» в социальных науках Джон Урри указал на такую особенность глоболизирующегося мира, как не знающий преград обмен телами, вещами, символами и упованиями (Urry, 2000). Согласно Арджуну Аппадурай, этот обмен осуществляется посредством глобальных культурных потоков, имеющих пять измерений: потоки людей — этноскейпы (*ethnoscapes*), потоки технологий — техноскейпы (*technoscapes*), потоки капиталов — финансовойпы (*finanscapes*), потоки образов и информации — медиаскейпы (*mediascapes*) и потоки идей, образов и идеологий — идеоскейпы (*ideoscapes*) (Appadurai, 1990). В значительной мере их формирование обусловлено технологическими инновациями, позволяющими капиталу и информации легко преодолевать физические границы и так же легко интегрироваться в странах назначения. Это предопределяет формирование новых, эмерджентных подвидов глобализации, т.е. таких, с которыми человечеству не приходилось сталкиваться в предшествующем историческом опыте (Чешков, 2008: 7). В основе большинства из них лежит процесс международной мобильности населения как одной из главных детерминант политической, экономической и социокультурной динамики современной цивилизации. Их можно идентифицировать как «детей глобальной миграции» (Parreñas, 2005) — процесса, ставшего возможным благодаря появлению новейших транспортных и коммуникационных технологий. Имея общую сущностную основу, все эти компоненты глобализационного процесса тесно связаны между собой, порождая, предопределяя и усиливая друг друга. Инвентаризация этих производных глобализации и изучение их влияния на базовые социально-гуманитарные институты современного общества является *актуальной научной задачей*, поскольку позволяет получить более полное представление о глобализации как основополагающем тренде, предопределяющем направлении эволюции современного человечества. Акцент на социогуманитарной составляющей этого процесса имеет свою *теоретическую ценность*, учитывая, что глобализация формирует «рыночный этос», нацеленный на удовлетворение корыстных интересов и действующий без учета влияния на людей (Smart, 2003).

Мы исходим из предположения, что одним из социогуманитарных последствий глобализации является возникновение повышенного спроса на женский социально-репродуктивный труд, основанный на традиционно женских социальных навыках, востребованных в сервисной экономике постиндустриального общества. Используя этот тезис и опираясь на аналитический подход, основанный на «мобильном повороте» (Hannam et al., 2006) в социальных науках в качестве концептуальной основы исследования, данная работа ставит своей *главной целью* выявление и анализ социогуманитарных производных процесса глобализации, обусловленных международной миграцией и мобильностью населения, с учетом их гендерных особенностей.

Феминизация международной миграции: «женская тень глобализации»

Классики социальной теории определяют современный этап развития цивилизации как «век миграции» (Castles, Miller, 1998), а гендерологи уточняют это определение, утверждая, что мир переживает «век феминизации миграции» (Lazaridis, 2007: 229), поскольку женщины все чаще становятся независимыми акторами миграционного процесса, самостоятельно передвигаясь на большие расстояния, чтобы заполнить ниши на гендерно-сегрегированном рынке труда сервисных услуг, спрос на который возник в развитых экономиках мира.

Термин «феминизация (трудо­вой) миграции» используется для обозначения возрастающего количества женщин, уезжающих на заработки самостоятельно, а не в качестве сопровождения своих мужей или других членов семьи, и работающих на низко-статусной работе, часто в неблагоприятных условиях (сезонная или временная работа, опасная для жизни или здоровья и т. д.) (GAATW, 2010: 13). Этот процесс подвергает коррекции один из 11 законов миграции Э. Г. Равенштейна, гласящий, что женщины подвижнее мужчин в перемещениях внутри страны, а мужчины подвижнее женщин в перемещениях на длинные расстояния (см.: Абылкаликов, Винник, 2012). Сегодня все больше женщин пересекают границы государств, чтобы найти работу вдали от дома, становясь ведущими субъектами миграции, за которыми мужья и дети следуют в качестве сопровождения. Причем по мере возрастания уровня образования у женщин появляется больше возможностей для трудоустройства, и они все чаще осуществляют миграционные поездки в качестве студентов и сотрудников международных компаний (UN, 2006). Как отмечает Х. Злотник, глобализация создала «новый тип мигранта» (Zlotnik, 2004) — молодых женщин и девушек, мигрирующих в поисках лучших жизненных возможностей. Эта трансформация роли женщин в глобальной «миграционной индустрии» (Castles, Miller, 1998) воспринимается как «женская подноготная» глобализации (Ehrenreich, Hochschild, 2002: 3).

Согласно статистике ООН, доля женщин в общем количестве мигрантов достигает 48 % (UN, 2013) и столько же их среди всех беженцев в мире (UNHCR, 2012: 3). Женщины составляют 70 % среди лиц, внутренне перемещаемых в результате вооруженных конфликтов (Jones, 2008: 761) и 79 % среди перемещаемых с целью торговли людьми (UNODC, 2009: 11). В Европейском Союзе (ЕС) доля женщин достигает около 54 % от общего количества мигрантов и 4 % от общего населения ЕС (European Parliament, 2006). Причем после расширения ЕС в 2004 г. на европейском рынке труда сформировалась новая тенденция замещения мигранток из стран третьего мира, таких как Украина, Молдова и Беларусь, женщинами из наименее развитых стран — членов ЕС, например, Румынии или Литвы. Будучи гражданами ЕС, они тем не менее не имеют надлежащего доступа к ресурсам и законодательству и находятся даже в худшем положении, чем их сестры из третьих стран (KISA, 2007).

Таким образом, как подчеркивается в документах Международной организации миграции (МОМ), феминизация миграции не является процессом, «положи-

тельным во всех отношениях». Хотя женщины, как и мужчины, вынуждены мигрировать по причине бедности и отсутствия профессиональных возможностей, мигрантки чаще вовлекаются в принудительный труд и сексуальную эксплуатацию, работу в низкооплачиваемых сферах трудоустройства и неблагоприятных условиях труда. Они чаще сталкиваются с нарушениями прав человека, поскольку работают в гендерно-сегрегированных и неурегулированных секторах экономики, таких как домашняя работа, индустрия досуга и развлечений, секс-бизнес, незащищенных трудовым законодательством и государственной политикой (IOM, 2003: 6–7).

Глобализация заботы и ухода: глобальная циркуляция заботы

Еще одним эмерджентным подвидом глобализации, возникшим в условиях международной миграции, является феномен «глобализации заботы и ухода» (Misra et al., 2006), вызванный к жизни ускорением процесса урбанизации и возникновением «мировых городов», формирование которых во многом основано на гендерном разделении труда. Эти мегаполисы оказываются узловыми точками, жизненно необходимыми для успешного функционирования глобального капитализма, поскольку концентрируют сервисные услуги международного уровня и выполняют функции глобального администрирования и экономического управления, включая менеджмент, технический консалтинг, банковские, финансовые, бухгалтерские и юридические, телекоммуникационные и информационные услуги и т. д. Как показано в ряде работ (Hochschild, 1997; Parreñas, 2001; Sassen, 2002), для исполнения этих функций требуется рынок труда высокооплачиваемых профессионалов, готовых посвящать работе все свое время. Причем с возрастанием образовательного уровня и социального участия женщин они вовлекаются в этот процесс наравне с мужчинами. Вследствие такого режима труда у этих элитных специалистов практически не остается времени и возможностей на организацию быта в собственных домохозяйствах, без чего невозможен ни процесс жизнеобеспечения в семье, ни трудовой процесс на производстве. Таким образом, возникает потребность в параллельном рынке низкостатусного труда для восполнения «дефицита заботы и ухода» (Hochschild, 1997) и обеспечения функций социального воспроизводства в элитных домохозяйствах. Для выполнения этих функций рекрутируется персонал из экономически депривированных социальных групп, как правило, пенсионеров, малообеспеченных женщин и мигранток из бедных стран и т. д. Таким образом, «мировые города» находятся в зависимости от дешевой рабочей силы, прежде всего женщин как традиционной домашней прислуги, обуславливая феномен «выкачивания женщин» (*female drain*) (Tolstokorova, 2010) из государств-доноров мигрантов. В результате формируется глобальная неформальная «экономика заботы и ухода», которая зиждется на принципах «глобальной коммодификации обслуживающего труда» (Parreñas, 2001) и «циркуляции заботы» (Baldassar, Merla, 2013). В ее основе лежат «глобальные цепочки заботы и ухода»,

представляющие собой сетевые образования, направленные на поддержание бытового процесса в так называемых транснациональных домохозяйствах посредством последовательного трансферта сервисных функций от одного к другому на основании разных видов властных отношений: гендерных, этнических, социально-классовых. Этот процесс базируется на важном глобальном тренде, заключающемся в «импорте заботы и любви» из бедных стран в богатые (Hochschild, 2003). Причем мигрантки, эти «глобальные женщины» (Ehrenreich, Hochschild, 2002), вовлеченные в глобальную «экономику заботы», представляют собой не только самую многочисленную, но, по сути, единственную профессиональную женскую группу, представительницы которой самостоятельно мигрируют в глобальных масштабах (Romero et al., 2014: 29).

Глобализация наемного домашнего труда: «глобальные слуги» в «цепях заботы»

Результатом глобализации и коммерциализации заботы и ухода является процесс глобализации платного домашнего труда. «Дефицит заботы», вызванный возрастанием спроса на платный женский труд в домохозяйствах стран Глобального Севера в результате массового выхода женщин на рынок труда, обусловил потребность в формировании «нового глобального порядка домоводства» (Hondagneu-Sotelo, 2001), основанного на принципах «транснационализации обслуживающего труда» (Lutz, 2008) и «международного распределения заботы» (Parreñas, 2001), в соответствии с которыми страны третьего мира поставляют рабочую силу в домохозяйства Глобального Севера. Исследователи указывают, что спрос на мигрантский труд в сфере домашнего обслуживающего труда обусловлен неолиберальными тенденциями и политикой, стимулирующими возрастание спроса на рабочую силу в области заботы и ухода в целом (Romero et al., 2014: 32). То, как труд сиделок, нянь, домработниц и т. д., выполняемый мигрантками из развивающихся стран, компенсирует «дефицит заботы» в постиндустриальных странах, во многом определяется рыночными мерами, спонсируемыми руководством этих стран с целью снизить стоимость государственных социальных услуг (Artner, 2013).

По данным Международной организации труда (МОТ) сегодня в мире насчитывается 53 млн домашних работников, из которых 83 % — женщины (ILO, 2013a). Это на 19 млн больше по сравнению с 1995 г., когда общее количество работников домашней сферы составляло 33,2 млн (ILO, 2013b). Основной проблемой данной сферы деятельности является ее сопряженность с эксплуатацией и сверхэксплуатацией, а нередко и трудовым рабством, когда домашние работники обоего пола лишаются права на передвижение, живут в нечеловеческих условиях и подвергаются сексуальному насилию (ILO, 2013c). Согласно данным МОМ, домашние работники относятся к категории профессий, в которой наиболее часто наблюдается торговля людьми (IOM, 2009: 19). Оплата за работу может быть сугубо символической, либо вообще отсутствовать, ограничиваясь предоставлением ночлега и

скудного питания, что особенно свойственно наемной работе детей. Так, в докладе, обнародованном МОТ в июне 2013 г. по случаю Всемирного дня борьбы с детским трудом, подчеркивалось, что сегодня в мире насчитывается 10,5 млн детей, вынужденных работать в качестве домашней прислуги в частных домах в опасных, зачастую рабских условиях. Их них 6,5 млн составляют дети в возрасте от 5 до 14 лет, а более 71 % детей-домашних работников — девочки (ИЛО, 2013d).

Глобализация и транснационализация материнства: «транснациональные супермамы»¹

Создавая спрос на женский труд в области социальной репродукции, основанный на специфически женских социальных навыках матерей, процесс глобализации формирует условия для возникновения новейшего социального феномена «глобализации материнства» (Chavkin, Maher, 2010), являющегося производной от возрастающей транснациональной мобильности женщин. Глобализационные процессы приводят к феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы, вынуждая женщин-матерей из экономически депривированных государств уезжать на заработки за рубеж и оказывать заботу и уход чужим семьям и детям, чтобы прокормить своих собственных. Таким образом, глобализация материнства есть результат феминизации международной миграции как неотъемлемой характеристики современного глобализационного процесса. Такое «смещенное материнство» приводит к возрастанию количества брошенных детей, используемых как товар на продажу усыновителям из бездетных семей обеспеченных стран, возрастанию уровня абортот, предоставляющих биологический материал для медицинских картелей, вовлечение бесправных женщин-мигранток в торговлю человеческими органами и тканями, использование их для суррогатного материнства, вовлечение в трудовое рабство, нередко посредством траффинга. В свою очередь они создают условия для формирования легальных и теневых глобальных рынков, предоставляющих обеспеченным семьям услуги по усыновлению, продаже вспомогательных репродуктивных технологий, рекрутингу нянь и домработниц (Chavkin, 2010).

Парадоксом феномена глобализации материнства является то, что, принимая на себя ответственность за финансовое обеспечение семьи, мигрантки оспаривают миф о мужчине как кормильце и добытчике и в то же время укрепляют миф о женщине как домохозяйке, поскольку продолжают исполнять материнские обязанности, но уже в трансграничном режиме. Кроме того, как уже указывалось, женщины чаще всего трудоустраиваются за рубежом в частной сфере. Так, среди украинских мигранток около трети женщин заняты в частных домохозяйствах (Институт демографії, 2010: 131). Это препятствует перераспределению гендерных ролевых моделей, вызванному большим финансовым вкладом женщин в семей-

---

1. Толстокорова, 2013а.

ный бюджет благодаря миграции. В то же время это создает дополнительные вызовы матерям в поддержании интимных трансграничных отношений со своими детьми посредством новейших информационно-коммуникационных технологий. В итоге технологическая революция в коммуникации сказывается на семьях мигрантов неравномерно, поскольку различия в доступе к транснациональной коммуникации определяются классовой и гендерной принадлежностью пользователей, усугубляя сложности поддержания отношений матерей-мигранток с их семьями, оставшимися дома (см. подробнее: Толстокорова, 2013а).

Другим парадоксом глобализации материнства является то, что в поисках более высоких заработков и работодатели, и их домработницы вынуждены прибегать к аутсорсингу услуг заботы и ухода (Parreñas, 2005). При этом и те, и другие имеют меньше возможностей для предоставления своим детям материнского внимания и ухода и вынуждены «покупать» любовь и заботу для своих детей (Maher, 2010). Попытки мигранток обеспечить потомству лучшее будущее нередко приводят к тому, что они «теряют» своих детей как в прямом, так и в переносном смысле. Иными словами, домработницы-иностранки обеспечивают заботу и уход принимающим семьям за счет отказа от собственной репродукции (Parreñas, 2001). Таким образом, одним из побочных эффектов глобализации материнства является то, что мигрантки, помимо основного социально-репродуктивного труда, приносят любовь и внимание в дома работодателей, страдающие от «дефицита заботы». Это придает гендерный характер глобальному трансферту домашних услуг из бедных государств в обеспеченные страны.

Глобализация личной жизни, любви и интимности: «нормальный хаос любви»² и «романтика на глобальной сцене»³

Исследования показывают, что основным социальным институтом, на котором вызовы глобализации сказываются в первую очередь, оказывается семья (Beck, Beck-Gernsheim, 1995). Это связано с тем, что в глобальном мире возрастает значимость приватной сферы, которая формируется как оппозиция публичному под влиянием рыночного консюмеризма и процессов индивидуализации и плюрализации стилей жизни (Тартаковская, 2010: 6). Исследователи утверждают, что глобализация является вызовом не только для «дефиса, связующего нацию и семью» (Appadurai, 1996: 19), но и для традиционных отношений между государством и семьей. Она влияет и на качество родственных отношений внутри самой семьи. Массовая мобильность населения, приводимого в движение глобализацией, вызывает переформатирование личной жизни и любовных привязанностей, родственных уз и интимных связей, которые становятся хрупкими, неустойчивыми, создавая эффект «текучей любви» (Bauman, 2003). Благодаря распространению высоких информационных технологий возникает «парадокс инверсии юмовских

---

2. Beck, Beck-Gernsheim, 1995.

3. Constable, 2003.

концентрических кругов убывающего сочувствия» (Вебер, 2009: 6), в результате которого чувства общности и привязанности, обычно сильнее всего проявляющиеся в ближнем круге общения (семья, друзья, соседи), не ослабевают по мере нарастания дистанции (город, страна, остальной мир), как это бывает в традиционном мире, но в условиях «глобальной деревни» могут усиливаться, поскольку благодаря интернету и мобильной телефонной связи наиболее отдаленные круги общения для многих становятся ближними. В результате становится возможным формирование брачных уз без сексуальных отношений и детей, без общего дома, работающего супруга и постоянного партнера и даже без «биологического» тела с его физиологическими потребностями (Ruspini, 2014). Благодаря этому возникают новые конфигурации семей, отражающие процесс адаптации мобильных индивидов к новым условиям жизни в «глобальном человеке» (Зиновьев, 2006), а брак становится «метафорой и индикатором глобализации личной жизни» (Beck, 2000: 73). Это происходит, например, в семьях трудовых мигрантов, когда в результате отъезда на заработки за рубеж кого-то из членов семьи близкие родственники оказываются по разные стороны границ и вынуждены поддерживать семейные отношения в условиях больших географических расстояний. Такие родственные союзы, характеризующиеся плюрилокальностью, называются транснациональными семьями. Эта категория семей определяется нами как модернизированная модель семейных отношений, порожденная международной миграцией и глобальным сетевым сообществом, основу которой составляет «воображаемый союз» (Vuorela, 2002) ее мобильных членов, существующий на основе трансграничных отношений, когда один или более из них работают за рубежом, но поддерживают регулярные родственные связи с членами семьи, оставшимися дома, исполняют свои семейные и родительские функции и дистантно участвуют в ведении домохозяйства (Толстокорова, 2013б: 102). К этой категории относятся также транснациональные, или трансграничные, браки (Constable, 2005; Flemmen, Lotherington, 2008; Charsley 2012). Чаще всего это семейные союзы профессионалов, которых служебные обязанности вынуждают к «совместной жизни порознь» в разных странах или континентах, как, например, семьи военных, дипломатов и других высококвалифицированных специалистов.

Выезд на работу или учебу за рубеж может приводить к формированию интимных отношений и возникновению семейных уз уже в стране пребывания, вызывая к жизни так называемые «смешанные браки», основанные на межэтнических и межкультурных отношениях, шансы на заключение которых увеличиваются при наличии у людей межэтнических дружеских сетей (Van Zantvliet, Kalmijn, 2013). Нередко заключение брака в стране пребывания с целью допуска к «хорошо охраняемому клубу благополучия западного мира» (Beck, Beck-Gernsheim, 2013: 5) является истинной целью выезда за границу (формально ради работы или учебы). «Брачная миграция» или «интимная миграция» (Voehm, 2012) служит именно этой цели, хотя исследователи указывают, что не всегда можно четко определить, в какой степени брак и миграция взаимосвязаны, поскольку существует многооб-

разие форм и механизмов выезда за рубеж и условий заключений брачных союзов. Безусловно, такие браки могут использоваться в качестве стратегии выезда за границу, но и быть следствием миграции — в зависимости от стадии миграционного движения, мотивов и стратегий партнеров, глобальных контекстов, в том числе глобализации экономики и рынков туда (Собенникова, 2011: 273). Хотя в потоках брачной миграции существуют региональные гендерные различия, женщины составляют большинство (60 %) тех, кто прибегает в этой стратегии (Timmerman, 2008). Интересно, что браки западноевропейских мужчин с женщинами из Восточной Европы или развивающихся стран, как правило, считаются «гипергамными»⁴ и ассоциируются с так называемыми «браками по переписке», осуществляемыми при посредничестве международных брачных агентств и предполагающими переезд новобрачной в страну проживания супруга (Constable, 2003). Между тем, по данным МОМ, эти агентства находятся под контролем сетей организованной преступности, занимающихся работоторговлей и имеющих колоссальные доходы от насильственной проституции, физической и эмоциональной эксплуатации женщин из экономически неблагополучных государств (ИОМ, 1998).

В глобальном информационном обществе эффекты «опустошения времени и пространства» (Giddens, 1991) и «смерти расстояния» (Cairncross, 1997) порождают качественные изменения в пространственно-временной, гражданской, социально-экономической, административной и эмоциональной организации семейной и личной жизни, любви и интимности. Это проявляется в интенсификации пространственной мобильности супругов и их двойном гражданстве, экстерриториальности и фрагментированности трансграничных родственных отношений, дигитализации интимности и бифокализации домохозяйства и т. д.

Указанные выше типы семейных союзов относятся к категории так называемых «мировых семей» (Beck, Beck-Gernsheim, 2013: 7), подразумевающих родственные связи, основанные на любви и интимности между индивидами, проживающими или происходящими из разных стран или континентов. При всем разнообразии форм они имеют одно общее качество, являясь фокальными точками, в которых различные аспекты глобализованного мира получают воплощение в личной жизни индивидов.

Глобализация желаний: «ящик Пандоры» постиндустриальной эпохи

«Экономика желаний» — эстетизация порока

Глобализация личной жизни, любви и интимности в современных условиях может приобретать весьма одиозные формы. Исследователи указывают на тесную взаимосвязь процессов глобализации с ростом популярности философии гедо-

---

4. Гипергамия — это практика, согласно которой женщина выбирает себе мужа равного или более высокого социального статуса. Чаще это бывает именно второй случай, когда женщина предпочитает брак с более успешным, обеспеченным и привилегированным мужчиной. При этом считается, что мужчина обращает большее внимание на физическую привлекательность женщины.

низма и основанных на ней жизненных практик наслаждения, интегрированных в глобальную «экономику желаний» с ее собственной «геополитикой желаний» (Shih Shu-May, 1998). Эта модель экономической организации является результатом «перепроизводства свободы» (Долгин, 2008) и структурных неравенств глобальной экономики, предоставляющей привилегированным группам доступ к экзотическим вещам и телам (Tettey, 2006: 37). Она зиждется на создании и удовлетворении новых желаний и потребностей, зачастую ложных и излишних, а его нравственные ориентиры нацелены на санкционирование и оправдание сверхпотребления, убеждение людей в том, что они его достойны и что превращать свою жизнь в удовольствие нравственно (Абанкина, 2005), а отнюдь не аморально, как утверждает христианская этика, и что они имеют право на удовлетворение всех своих желаний, включая самые порочные, находя в этом «духовное удовлетворение и утверждение своего „я“» (см.: Лукьяненко и др., 2009: 153). Так, глобализация дала толчок развитию мировой индустрии развлечений и секса, в которых задействованы преимущественно женщины. После частных услуг на дому это вторая сфера наиболее масштабного привлечения женщин-мигранток, характеризующаяся как маргинальная или рискованная занятость (Тюрюканова, 2000). Кроме того, исследователи указывают на очевидную взаимосвязь между стремительным распространением глобализации и возрастом торговли детским сексом, отмечая, что две основных составляющих глобализации — туризм и интернет — неожиданным образом создали благоприятные условия для распространения педофилии и сексуальной эксплуатации детей, экспортируемых из периферии мировой капиталистической системы на продажу в страны ее ядра (Grady, 2001: 132). На тесную связь между глобализацией и коммодификацией телесности указывают многие авторы, подчеркивающие, что в последние три десятилетия капиталистическая реструктуризация и международная политическая экономия стали проявляться в самых интимных сферах жизни (Hughes, 2000; Bernstein, 2001; Tettey, 2006). Они обращают внимание на то, что одним из аспектов глобализации является коммодификация женщин и детей на глобальных рынках различных интересов (включая организованную преступность, туризм, военную индустрию), стремящихся удовлетворять самые разнообразные порочные желания, в том числе посредством «покупки транснациональной интимности» (Shen, 2008). При этом подчеркивается, что в глобальной сексуальной эксплуатации женщин и детей индустрии секса и интернета идут рука об руку, поскольку хотя сексуальная эксплуатация не является новым феноменом, возникновение в процессе глобализации новейших транспортных и информационных технологий, облегчающих мобильность населения, позволило увеличить географический размах подобной деятельности и расширить круг вовлеченных в нее людей, как жертв, так и бенефициариев.

«Синдром благополучия» и погоня за соблазнами — нравственные недуги глобализованного мира

С точки зрения Баумана (Bauman, 1998), глобализованный мир — это мир без естественных границ и очевидных мест проживания, в котором понятие расстояния превращается в анахронизм и легко преодолевается посредством новейших информационно-коммуникационных технологий, создающих эффект компрессии пространства и времени. В транснациональном социальном пространстве этого нового мира человеку нет необходимости пересекать физические границы, чтобы приобщиться к жизни в самом удаленном уголке планеты. Переключаясь с одного телевизионного канала на другой и кочуя по интернету, человек пребывает в роли вечного гостя, нигде не задерживающегося надолго. В концепции Баумана современный человек индустриализованного мира, пораженный недугом «обеспеченности» (affluence), становится прежде всего «человеком потребляющим» — Homo consumens (Лукьяненко и др., 2009), основным вопросом жизни которого служит дилемма: «Должен ли человек потреблять, чтобы жить, или же человек живет, чтобы потреблять?» (Bauman, 1998). В этих условиях для завоевания популярности у потребителей необходимо, чтобы продукты и услуги возбуждали желание обладать ими, были соблазнительными для потенциального покупателя, а одной из основных задач современной индустрии становится обеспечение привлекательности продукции и услуг, удовлетворение самых изысканных прихотей и похотей клиентов. Американский социолог Рэчел Шерман иллюстрирует это на примере отелей класса люкс, предназначенных для обеспеченных путешественников привилегированного класса: «Когда вы регистрируетесь в американском пятизвездочном отеле, персонал приветствует вас, называя по имени, радушно встречает, если вы останавливались у них ранее. За время вашего пребывания они запомнят ваш любимый завтрак, полюбившийся местный ресторан, или день вашего рождения. Они пойдут на нарушение правил, лишь бы осуществить ваши желания, угодить вашим потребностям и решить ваши проблемы» (Шерман, 2008: 61). Таким образом, возникает порочный круг, в котором одно желание сменяется другим, выполняя функцию двигателя экономики, погоня за новыми соблазнами выходит на первый план, а понятие границ для общества «новых кочевников» (Albrecht, 2002) исчезает.

Глобализация детства: большие муки Маленьких Муков

Процесс глобализации охватывает не только взрослых, но и детей и подростков обоего пола, порождая такое явление, как «глобализация детства» (Сусина, 2011; Эпштейн, 2011; Stearns, 2005; Wells, 2009; Cregan, Cuthbert, 2014). Исследования по истории и социологии детства демонстрируют, что XX в. оказывается свидетелем появления новой категории «нормативного глобального ребенка», легитимность которого была засвидетельствована Конвенцией ООН о правах детей. Эта кате-

гория включает обширную галерею детских образов, появившихся в результате глобализационных процессов, основанных на широкомасштабной «коммерциализации всего», включая нематериальные аспекты человеческой жизни, такие как любовь к детям, невинность ребенка и святость детства. К ним относятся глобальная индустрия международных усыновлений сирот, эксплуатация детей в рабском труде, секс-бизнесе, порнографии и секс-туризме, использование их в торговле людьми, человеческими органами и тканями, привлечение к участию в боевых действиях, криминальном бизнесе, бродяжничестве и попрошайничестве и т. д. Сущность этой глобальной индустрии определяется как «гражданская война против детей». Причем портрет «глобального ребенка» зачастую пишется гендерными красками, замешанными на гендерных стереотипах взрослых, формирующих детский рынок труда. Если классический образ «глобального мальчика» — это ребенок-солдат с автоматом Калашникова в руках, то иконическая «глобальная девочка» — это изнуренная малышка-домработница, батрачащая на хозяев за кусок хлеба с утра до вечера без оплаты и выходных. Большинство этих вариаций «глобального детства» связаны либо с торговлей детьми, либо с их самостоятельным передвижением, т. е. с необходимостью перемещения детей на большие расстояния, зачастую самостоятельно, без семьи, родителей или других взрослых. В миграционной науке даже появилось направление исследований, объектом которого являются несовершеннолетние, мигрирующие без какого-либо сопровождения (*unaccompanied minors*) (Hillman et al., 1990; Fyhri et al., 2011; Malone, 2011). Эксперты этой области знаний утверждают, что отсутствие связи между идеалом прав человека и реальным опытом детей-мигрантов имеет для всего мира трагические последствия (Bhabha, 2014), одно из которых — «убийство детства» (Wyrne, 1995) как социокультурного феномена эпохи «высокой современности».

Глобализация, универсализация и институционализация риска: всемирный поток шампанского

Общим для всех вышеперечисленных социогуманитарных производных глобализации является то, что они связаны с риском и неопределенностью как универсальными константами и маркерами глобального общества. Если верить народной мудрости, утверждающей, что только тот, кто не рискует, не пьет шампанское, то согласно реалиям сегодняшнего дня, дегустация этого изысканного напитка аристократов стала повседневной практикой всех страт общества по всему земному шару. Причем чем беднее дегустаторы, тем активнее они потребляют этот «волшебный напиток глобализации». В 2001 г. терактами 11 сентября в США открылась новая эра — мировая «террористическая война» и борьба с международным терроризмом, которая ведется сегодня одновременно на всех континентах, кроме Антарктиды. В результате большая часть планеты попала в зону боевых действий и превратилась во «всемирное общество риска» (Beck, 1992), в котором «логика позитива», господствовавшая в индустриальном обществе, перекрывается и вы-

тесняется «логикой негатива». Согласно Э. Гидденсу, «качественно новый феномен риска» в условиях «высокой современности» заключается в том, что возникают неуправляемые ситуации, таящие в себе угрозу не только отдельным индивидам, но и большим системам, в том числе государствам. Он утверждает, что сегодня опасности подвергаются жизни миллионов людей и даже всего человечества (Giddens, 1992). Таким образом, хотя феномен риска не является новым, его следует квалифицировать как эмерджентный подвид глобализации, поскольку, как указывает Гидденс, риск эпохи «высокой, или поздней, современности» отличается от всего того, что наблюдалось ранее, как с объективной, так и с субъективной точек зрения, ибо увеличиваются и усиливаются не только сами факторы риска, но и восприятие их становится гораздо более острым, нежели когда бы то ни было. Он выделяет такие глобальные тенденции современности, как универсализация риска, т.е. возможность глобальных бедствий, которые угрожают всем, независимо от класса, этнической принадлежности, отношения к власти и т.д. (например, ядерная война, экологическая катастрофа); глобализация риска, который приобретает необычайный размах, затрагивая большие массы людей (например, финансовые рынки, реагирующие на изменения политической ситуации в мировом масштабе; военные конфликты; повышение цен на нефть; соперничество корпораций и т.д.) и институционализация риска, т.е. появление организаций, принимающих его в качестве принципа собственного действия (например, рынки инвестиций или биржи обмена, азартные игры, спорт, страхование). В условиях массовой мобильности населения риски для жизни и благополучия как отдельного человека, так и всего общества значительно повышаются. Передвижение на большие географические расстояния сегодня неизменно ассоциируется с неопределенностью и риском. Это объясняется участвовавшими климатическими и сейсмическими катаклизмами, техногенными катастрофами и сбоями в функционировании человеческого фактора, затрудняющими пространственную мобильность. В контексте нелегальной международной миграции эти факторы усиливаются другими детерминантами риска, такими как неформальный характер трудоустройства и, соответственно, риски юридической, гражданской и социальной незащищенности, эксплуатации и сверхэксплуатации, социальной исключенности, неблагоприятных жилищных условий, упорядоченного характера быта, фрагментированного стиля семейной жизни мигрантов и т.д. И хотя феномен глобализации риска сказывается на всех мобильных индивидах, независимо от их социального или экономического статуса, все же его эффект имеет свои гендерные особенности. Как уже указывалось выше, самостоятельно мигрирующие женщины чаще сталкиваются с риском оказаться жертвами торговли людьми, сексуальной кабалы и домашнего рабства. Мужчины, мигрирующие в поисках работы, рискуют оказаться втянутыми в военные конфликты и трудовое рабство на нелегальном производстве. В то же время в последние годы они все чаще становятся жертвами торговли людьми, примером чему служат украинские мужчины. Так, в 2011 г. их доля в общем количестве украинских граждан, ставших жертвами торговли людьми,

составила немногим меньше половины — 43 % (Крсмар, 2012). Чаще всего ими становятся моряки дальнего плавания, за жизнь которых требуется выкуп. По данным обмудсмена Украины, каждый пятый член экипажей, захваченных морскими пиратами, — гражданин Украины (Шевчук, 2012). Таким образом, налицо феномен «универсализации риска», поскольку объектами «усовершенствованного рабства» становятся уже не только доверчивые молодые девушки, а зрелые и даже высокообразованные представители сильного пола, имеющие опыт работы за рубежом.

Влияние глобализации на идентичность человека в эпоху посткапитализма

Как указывает Т. Барнетт, глобализация влечет за собой принципиальные изменения правил игры (Barnett, 2004: 29–30). Она бросает вызов любым видам границ, как объективных — национальных, межгосударственных, институциональных, так и субъективных — на уровне семейных, межпоколенческих и межличностных отношений, гендерных, культурных, религиозных этнических идентичностей отдельной личности. В глобальном мире, пронизанном идеологией безудержного потребления, где товарную ценность приобретают даже такие нематериальные категории, как любовь, интимность, забота и уход и где локализованность является признаком депривации и деградации (Baumann, 1998), известная поговорка «где родился, там и пригодился» уже неактуальна. Современный представитель поколения Homo digitalis, этот «биофинансовый субъект» (French, Kneale, 2012) с его «глобализованной биографией» (Beck, 2000: 73), значительную часть жизни проводит в виртуальном формате, утрачивая географическую укорененность, культурную и религиозную определенность, национальное своеобразие. Человеческие достоинства, которые ранее были залогом достижения успеха в обществе, сегодня без надобности, т. к. их заменили высокие технологии. В результате происходит «отмирание моральных стандартов» (Mialon, 2014), уважение к которым было традиционным мерилем достоинства человеческой личности. По этому поводу М. Кастеллс отмечает, что современный мир и жизнь человека в нем формируются конфликтующими тенденциями глобализации и само/идентификации (Castells, 1997: 2).

Будущее человеческой природы в таких условиях неопределенно. Одни утверждают, что если человек действительно собирается не только выжить, но и остаться подлинным человеческим существом, то он должен быть Человеком с большой буквы — тем, кто, глобально преобразуя мир, способен сохранить свою уникальность (Лейбин, 2011: 136). Другие, как С. Льюис в книге «Отмена человека» (Lewis, 2014), пророчат уничтожение человеческой природы в результате научного прогресса. Третьи предсказывают появление постчеловеческой (posthuman) или даже нечеловеческой (nonhuman) цивилизации, в которой править бал будут либо некие «людены» и «метагомы», описанные в романе «Волны гасят ветер» братьев Стругацких, либо даже коллективный разум, обладающий качествами сверхсущест-

ства, которые современному человеку представляются фантастическими (Сулейменов и др., 2014).

В то же время критики отмечают, что комплексные изменения мирового уровня, происходящие в результате глобализации, вызывают не только процессы интеграции, маргинализации и эксплуатации, но и стратегии сопротивления. Американская социолог С. Сассен называет процесс сопротивления негативным последствием глобализации ее «контр-географиями» (Sassen, 2002). В частности, одной из форм сопротивления процессу унификации ценностей, норм и образцов поведения как результату глобализации является плюрализация стилей жизни населения и все более заметные различия в формах жизнедеятельности поколений (Шульга, 2011: 207). Это дает основания надеяться, что апокалиптических сценариев, предупреждаемых пессимистами, человечеству удастся избежать.

Литература

- Абанкина Т. (2005). Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. № 4. С. 115–123.
- Абылкаликов С. И., Винник М. В. (2012). Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. № 2. С. 1–19.
- Бауман З. (2008). Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб: Питер.
- Вебер А. Б. (2009). Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. № 1. С. 3–15.
- Долгин А. (2008). Перепроизводство свободы как первопричина кризиса // Лекции PolitRu. URL: <http://polit.ru/article/2008/12/17/dolgin/> (дата доступа 01.12.214).
- Зиновьев А. А. (2006). Глобальный человек. М.: Алгоритм, Эксмо.
- Институт демографії та соціальних досліджень. (2010). Населення України. Трудова еміграція в Україні. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М. В. Птухи НАН України.
- Лейбин В. М. (2011). Человек как глобально-уникальная проблема современности // Век глобализации. № 1. С. 130–136.
- Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. (2009). Homo consúmens — человек потребляющий // Век глобализации. № 2. С. 149–159.
- Собенникова Е. А. (2011). Теоретические подходы к исследованию женской миграции в современной социологической науке: история становления и перспективы развития // Глобальные демографические проблемы современности: миграция и миграционная политика / Отв. ред. В. В. Минаев; сост. В. Б. Жиромская. М.: РГГУ. С. 269–278.
- Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Шалтыкова Д. Б., Сулейменова К. И. (2014). Пространство смысловых кодов современной цивилизации // История и современность. № 1. С. 46–68.

- Сусина Я. (2011). Возможности глобализации детства путем использования новых технологий // Конструируя детское: Филология. История. Антропология. М., СПб.: Азимут, Нестор-История. С. 497–517.
- Тартаковская И. (2010). Гендерные отношения в частной сфере: постсоветские трансформации семьи и интимности // *Laboratorium*. № 3. С. 5–11.
- Толстокорова А. В. (2013а). Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. XVI. № 4. С. 142–158.
- Толстокорова А. В. (2013б). Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // *Социологическое обозрение*. Т. 12. № 2. С. 98–121.
- Тюрюканова Е. В. (2000). Трудовая миграция женщин из России: легальные и нелегальные формы // Женщины и процесс социально-экономического развития в России и других странах СНГ. М.: Информационно-аналитическое управление аппарата Совета Федерации ФС РФ. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/ad27.htm> (дата доступа 01.12.2014).
- Чешков М. А. (2008). Глобальность как базовое понятие глобалистики // *Век глобализации*. № 2. С. 3–11.
- Шевчук М. (2012). Карпачова: Моряки — одна з найбільш незахищених груп трудових мігрантів // *ForUm*, 20.04.2012. URL: <http://for-ua.com/article/514529> (дата доступа 01.12.2014).
- Шерман Р. (2008). Игры в отелях класса «люкс»: автономия, идентичность, согласие // *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 47–61.
- Шульга Н. (2011). Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: Бізнесполіграф.
- Эпштейн И. (2011). Детство и глобализация: к теоретическому обоснованию проблемы // *Конструируя детское: Филология. История. Антропология*. Коллективная монография. М., СПб.: Азимут, Нестор-История. С. 479–496.
- Albrecht D., Johnson E. (2002). *New hotels for global nomads*. London: Merrell Holberton.
- Appadurai A. (1990). Disjuncture and difference in the global cultural // *Global culture: nationalism, globalization and modernity* / Ed. M. Featherstone. London: Sage Publications. P. 395–410.
- Appadurai A. (1996). *Modernity at large: cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Artner L. (2013). Book review for «Mahon R., Robinson F. (Eds.): *Feminist ethics and social policy: towards a new global political economy of care, 2012*» // *Transnational Social Review*. Vol. 3. № 1. P. 125–128.
- Baldassar L. Merla L. (Eds.). (2013). *Transnational families, migration and the circulation of care: understanding mobility and absence in family life*. London: Routledge.
- Barnett T. P. M. (2004). *The Pentagon's new map: war and peace in the twenty-first century*. New York: G. P. Putnam's Sons.

- Bauman Z.* (1998). *Globalization: the human consequences*. New York: Columbia University Press.
- Bauman Z.* (2003). *Liquid love: on the frailty of human bonds*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U.* (1992). *Risk society: towards a new modernity*. London: Sage Publications.
- Beck U.* (2000). *What is globalization?* Cambridge: Polity Press.
- Beck U., Beck-Gernsheim E.* (1995). *The normal chaos of love*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U., Beck-Gernsheim E.* (2013). *Distant love*. Cambridge: Polity Press.
- Bernstein E.* (2001). *Economies of desire: sexual commerce and post-industrial culture*. PhD dissertation. University of California, Berkeley.
- Bhabha J.* (2014). *Child migration and human rights of the child in a global age*. Princeton: Princeton University Press.
- Boehm D. A.* (2012). *Intimate migrations: gender, family, and illegality among transnational Mexicans*. New York: New York University Press.
- Cairncross F.* (1997). *The death of distance: how the communications revolution will change our lives*. Boston: Harvard Business Press.
- Castells M.* (1997). *The information age: economy, society and culture, Vol. 2: The power of identity*. Oxford: Blackwell.
- Castles S., Miller M. J.* (1998). *The age of migration*. Basingstock: Palgrave Macmillan.
- Charsley K.* (Ed.). (2012). *Transnational marriages: new perspectives from Europe and beyond*. New York: Routledge.
- Chavkin W.* (2010). *The globalization of motherhood // The globalization of motherhood: deconstructions and reconstructions of biology and care / Ed. W. Chavkin, J. M. Maher*. New York: Routledge. P. 3–16.
- Chavkin W., Maher J. M.* (Eds). (2010). *The globalization of motherhood: deconstructions and reconstructions of biology and care*. New York: Routledge.
- Constable N.* (2003). *Romance on a global stage: Pen Pals, virtual ethnography and mail-order marriages*. Berkley: University of California Press.
- Cregan K., Cuthbert D.* (2014). *Global ghildhoods: issues and debates*. London: SAGE Publications.
- Ehrenreich B., Hochschild A. R.* (2002). *Global woman: nannies, maids and sex workers in the new economy*. London: Granta Books.
- European Parliament.* (2006). *Draft report on women's immigration: the role and place of immigrant women in the European Union*. Committee on Women's Rights and Gender Equality.
- Fyhri A., Hjorthol R., Mackett R., Nordgaard Fotel, T., Kytta M.* (2011). *Children's active travel and independent mobility in four countries: development, social contributing trends and measures // Transport Policy, Vol. 18, № 5, P. 703–710*.
- Flemmen A. B., Lotherington A. T.* (2008). *Transnational marriages: politics and desire // Mobilities and place: enacting Northern European peripheries / Ed. J. O. Bærenholdt, B. Grånas*. Aldershot: Ashgate. P. 127–138.
- French Sh., Kneale J.* (2012). *Speculating on careless lives: annuitising the biofinancial subject // Journal of Cultural Economy, Vol. 5, № 4, P. 391–406*.

- GAATW. (2010). *Beyond borders: exploring links between trafficking and gender*. Bangkok: Global Alliance Against Traffic in Women.
- Giddens A. (1990). *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (1991). *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford University Press.
- Hannam K., Sheller M., Urry J. (2006). Editorial: mobilities, immobilities and moorings // *Mobilities*. Vol. 1. № 1. P. 1–22.
- Harvey D. (1989). *The postmodern condition*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
- Hillman M., Adams J., Whitelegg J. (1990). *One false move... A study of children's independent mobility*. London: Policy Studies Institute.
- Hochschild A. R. (1997). *The time bind: when work becomes home and home becomes work*. New York: Metropolitan Books.
- Hochschild A. R. (2000). *Global care chains and emotional surplus // On the edge: living with global capitalism / Ed. W. Hutton, A. Giddens*. London: Jonathan Cape. P. 130–146.
- Hondagneu-Sotelo P. (2001). *Domestica: immigrant workers cleaning and caring in the shadows of affluence*. Berkeley: University of California Press.
- Hughes D. M. (2000). *The Internet and sex industries: partners in global sexual exploitation // IEEE Technology and Society Magazine*. № 2. P. 35–42.
- ILO. (2013a). *Landmark treaty for domestic workers comes into force*. News Release. Geneva: International Labour Office. Available at: http://www.ilo.org/global/standards/information-resources-and-publications/news/WCMS_220793/lang--en/index.htm?shared_from=media-mail (accessed 01.12.2014).
- ILO. (2013b). *Domestic workers across the world: Global and regional statistics and the extent of legal protection*. Geneva: International Labour Office.
- ILO. (2013c). *New support to protect girls and women from «modern day slavery» // News Release*. Geneva: International Labour Office. Available at: <http://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm> (accessed 01.12.2014).
- ILO. (2013d). *Ten million child labourers in domestic work*. News Release. Geneva: International Labour Office. Available at: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_215170/lang--en/index.htm?shared_from=media-mail (accessed 01.12.2014).
- IOM. (1998). *Information campaign against trafficking in women from Ukraine*. Research Report. Geneva: International Organization for Migration.
- IOM. (2006). *World Migration Report 2003: Managing migration — challenges and responses for people on the move*. Geneva: International Organization for Migration.
- IOM. (2009). *Caring for trafficked persons: guidance for health care providers*. Geneva: International Organization for Migration.
- Jones A. (2008). *A silent but mighty river: the costs of women's economic migration // Signs*. Vol. 33. № 4. P. 761–769.
- Krcmar R. (2012). *Targeting needs of male victims of human trafficking in Ukraine // IOM Gender and Migration News*. № 38. P. 6–8.

- KISA. (2007). KISA's contribution to Cyprus' report on the Resolution of the General Assembly of the United Nations 60/139 on «Violence against women migrant workers». Cyprus: KISA Action for Equality, Support, Antiracism.
- Lazaridis G. (2007). Les infirmières exclusives and migrant quasi-nurses in Greece // *European Journal of Women's Studies*. Vol. 14. № 3. P. 227–246.
- Lewis C. S. (2014). *The abolition of man*. Canada: Zamizdat University Press.
- Lutz H. (2008). Introduction: Migrant domestic workers in Europe // *Migration and domestic work* / Ed. H. Lutz. Burlington: Ashgate.
- Maher J. M. (2010). Reproduction and care // *The globalization of motherhood: deconstructions and reconstructions of biology and care* / Ed. W. Chavkin, J. M. Maher. New York: Routledge. P. 16–30.
- Malone K. (2011). Changing global childhoods: the impact on children's independent mobility // *Global Studies of Childhood*. Vol. 1. № 3. P. 161–166.
- Mialon S. H. (2014). Declining moral standards and the role of law. Department of Economics, Emory University.
- Misra J., Woodring J., Merz S. (2006). The globalization of carework: immigration, economic restructuring, and the world-system // *Globalization*. Vol. 3. № 3. P. 317–332.
- Moghadam V. (1999). Gender and globalization: female labor and women's mobilization // *Journal of World Systems Research*. Vol. 5. № 2. P. 367–388.
- O'Grady R. (2001). Eradicating Pedophilia: Toward the Humanization of Society // *Journal of International Affairs*. Vol. 55. № 1. P. 123–140.
- Parreñas R. S. (2001). Transgressing the nation state: the partial citizenship and imagined (global) community of migrant Filipina domestic workers // *Signs*. Vol. 26. № 4. P. 1129–1154.
- Parreñas R. S. (2005). *Children of global migration: transnational families and gendered woes*. Stanford: Stanford University Press.
- Romero M., Preston V., Giles W. (2014). Care work in a globalizing world // *When care work goes global: locating the social relations of domestic work* / Ed. M. Romero, V. Preston, W. Giles. Farnham: Ashgate. P. 29–44.
- Ruspini E. (2014). *Gender, relationships and social change*. London: Policy Press.
- Sassen S. (2002). Women's burdens: counter-geographies of globalization and the feminization of survival // *Nordic Journal of International Law*. Vol. 71. № 2. P. 255–274.
- Shen Hsiu-Hua. (2008). The purchase of transnational intimacy: women's bodies, transnational masculine privileges in Chinese economic zones // *Asian Studies Review*. Vol. 32. № 1. P. 57–75.
- Shih Shu-May. (1998). Gender and a new geopolitics of desire: the seduction of mainland women in Taiwan and Hong Kong media // *Signs*. Vol. 23. № 2. P. 287–319.
- Smart B. (2003). *Economy, culture and society: a sociological critique of neo-liberalism*. Buckingham: Open University Press.
- Stearns P. N. (2005). Globalization and childhood // *Journal of Social History*. Vol. 38. № 4. P. 845–848.

- Tetty W. J.* (2006). Globalization, the economy of desire, and cybersexual activity among Ghanaian youth // *Studies in Political Economy*. Vol. 77. P. 33–55.
- Timmerman Ch.* (2008). Marriage in a «culture of migration»: Emirdag marrying into Flanders // *European Review*. Vol. 16. № 4. P. 585–594.
- Tolstokorova A.* (2010). Bitter berries of better life: socio-demographic costs of labour migration for the Ukrainian society // *ENQUIRE*. № 5. P. 68–94. Available at: <http://www.nottingham.ac.uk/Sociology/Prospective/Postgraduate/ENQUIRE/ENQUIRE-Edition-5.aspx> (accessed 01.12.2014).
- UN. (2006). World survey on the role of women in development: women and international migration. New York: United Nations Organization.
- UN. (2013). 232 million international migrants living abroad worldwide—new UN global migration statistics reveal. Press release. United Nations Organization. Available at: <http://esa.un.org/unmigration/wallchart2013.htm> (accessed 01.12.2014).
- UNODC. (2008). Global report on trafficking in persons. Human trafficking: a crime that shames us all. United Nations Office on Drugs and Crime.
- UNHCR. (2012). Displacement: the new 21st century challenge. UNHCR Global Challenge 2012. United Nation Human Commission for Rights.
- Urry J.* (2000). *Sociology beyond societies: mobilities for twenty-first century*. London: Routledge.
- Van Zantvliet P., Kalmijn M.* (2013). Friendship networks and interethnic union formation: An analysis of immigrant children // *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 30. № 7. P. 953–973.
- Vuorela U.* (2002). Transnational families: imagined and real communities // *The transnational family: new European frontiers and global networks* / Ed. D. Bryceston, U. Vuorella. Oxford: Berg Publishers. P. 63–82.
- Wells K.* (2009). *Childhood in a global perspective*. Cambridge: Polity Press.
- Wyre R.* (1995). *The murder of childhood*. London: Penguin Books.
- Zlotnik H.* (2004). Population growth and international migration // *International migration: prospects and policies in a global market* / Ed. D. S. Massey, J. E. Taylor. Oxford: Oxford University Press. P. 15–34.

Socio-Human Derivatives of Globalization: Gender Effect of International Migration and Population Mobility

Alisa Tolstokorova

Independent Scholar

Address: Poste Restante-67, Kyiv, Ukraine 03067

E-mail: alictol@yahoo.com, talissa@ukr.net

The paper is aimed at the analysis of the emerging subcategories of socio-human derivatives of globalization, unfamiliar to humanity throughout its earlier historic experience. These

subcategories are regarded as to be bolstered by increasing international migration and human mobility generated by globalization. The paper regards them in terms of their gender effect, and casts light on the following processes; feminization of international migration caused by the growing share of independently traveling women; globalization of care, incited by the new gendered division of reproductive labour and the growth of world cities requiring a labour market of low-skilled jobs recruited mainly from the third world "new poor"; globalization of waged domestic care work brought about by "care deficit" in households of the Global North and a respective demand in waged care labour of women, performed mainly by migrant workers; globalization of motherhood, resulting from the feminization of poverty and the concurrent feminization of international migration; globalization of personal life, intimacy, and love stemming from the effect of increasing human mobility on family bonds and kinship relationship; globalization of desire as a "Pandora box" of the post-industrial era insofar as it is incited by the "affluence syndrome", and is pinned on the "chase for lures"; globalization of childhood, covering such processes as international adoption of orphans, child-sex, labor trafficking and domestic slavery, child-soldiers, refugees or asylum claimants, and globalization of risk, generated by the "world war on terror", and global uncertainty of "high modernity".

Keywords: socio-human derivatives of globalization, international migration, mobility, care, feminization of international migration, globalization

References

- Abankina T. (2005) *Ekonomika zhelanij v sovremennoj "civilizacii dosuga"* [Desire economy in modern "leisure civilization"]. *Otechestvennye zapiski*, no 4, pp. 115–123.
- Abylkalikov S.I., Vinnik M.V. (2012) *Ekonomicheskie teorii migracii: rabochaja sila i rynek truda* [Economic theories of migration: workforce and labour market]. *Biznes. Obshestvo. Vlast'*, no 2, pp. 1–19.
- Albrecht D., Johnson E. (2002) *New Hotels for Global Nomads*, London: Merrell Holberton.
- Appadurai A. (1990) Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* (ed. M. Featherstone), London: Sage Publications, pp. 395–410.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Artner L. (2013) Book review for "Mahon R., Robinson F. (eds.): *Feminist Ethics and Social Policy: Towards a New Global Political Economy of Care, 2012*". *Transnational Social Review*, vol. 3, no 1, pp. 125–128.
- Baldassar L., Merla L. (eds.) (2013) *Transnational Families, Migration and the Circulation of Care: Understanding Mobility and Absence in Family Life*, London: Routledge.
- Barnett T. P. M. (2004) *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*, New York: G.P. Putnam's Sons.
- Bauman Z. (1998) *Globalization: The Human Consequences*, New York: Columbia University Press.
- Bauman Z. (2003) *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*, Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaja sovremennost'* [Liquid Modernity], Saint-Petersburg: Piter.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage Publications.
- Beck U. (2000) *What is Globalization?*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (1995) *The Normal Chaos of Love*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2013) *Distant Love*, Cambridge: Polity Press.
- Bernstein E. (2001) *Economies of Desire: Sexual Commerce and Post-Industrial Culture* (PhD dissertation), University of California, Berkeley.
- Bhabha J. (2014) *Child Migration and Human Rights of the Child in a Global Age*, Princeton: Princeton University Press.
- Boehm D. A. (2012) *Intimate Migrations. Gender, Family, and Illegality among Transnational Mexicans*, New York: New York University Press.

- Cairncross F. (1997) *The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives*, Boston: Harvard Business Press.
- Castells M. (1997) *The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. 2: The Power of Identity*, Oxford: Blackwell.
- Castles S., Miller M.J. (1998) *The Age of Migration*, Basingstock: Palgrave Macmillan.
- Charsley K. (ed.) (2012) *Transnational Marriages: New Perspectives from Europe and Beyond*, London: Routledge.
- Chavkin W. (2010) The globalization of motherhood. *The Globalization of Motherhood: Deconstructions and Reconstructions of Biology and Care* (eds. W. Chavkin, J. M. Maher), Abington: Routledge, pp. 3–16.
- Chavkin W., Maher J. M. (eds.) (2010) *The Globalization of Motherhood: Deconstructions and Reconstructions of Biology and Care*, Abington: Routledge.
- Cheshkov M. (2008) Global'nost' kak bazovoe ponjatie globalistiki [Globality as a fundamental concept of Global Studies]. *Vek globalizacii*, no 2, pp. 3–11.
- Constable N. (2003) *Romance on a Global Stage: Pen Pals, Virtual Ethnography and Mail-Order Marriages*, Berkley: University of California Press.
- Cregan K., Cuthbert D. (2014) *Global Childhoods: Issues and Debates*, London: SAGE Publications.
- Dolgin A. (2008) Pereproizvodstvo svobody kak pervoprichina krizisa [Overproduction of freedom as a route cause of crisis]. *Lekcii PolitRu*. 17.12.2008. Available at: <http://polit.ru/article/2008/12/17/dolgin/> (accessed 01.12.2014).
- Ehrenreich B., Hochschild A. R. (2002) *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*, London: Granta Books.
- Epshtein I. (2011) Detstvo i globalizacija: k teoreticheskomu obosnovaniju problemy [Childhood and globalization: laying theoretical foundations for the issue]. *Konstruiruja detskoe: filologija, istorija, antropologija* [Construcing Childrenness: Philology, History, Anthropology] (eds. M. Balina, V. Bezrogov, S. Maslinskaja, K. Maslinskij, M. Tendryakova, S. Sheridan), Moscow, Saint-Petersburg: Azmut, Nestor-Istorija, pp. 479–496.
- European Parliament (2006) Draft Report on Women's Immigration: The Role and Place of Immigrant Women in the European Union. Committee on Women's Rights and Gender Equality.
- Fyhri A., Hjorthol R., Mackett R., Nordgaard Fotel T., Kytta M. (2011) Children's active travel and independent mobility in four countries: development, social contributing trends and measures. *Transport Policy*, vol. 18, no 5, pp. 703–710.
- Flemmen A. B., Lotherington A. T. (2008) Transnational marriages: politics and desire. *Mobilities and Place: Enacting Northern European Peripheries* (eds. J. O. Bærenholdt, B. Grånas), Aldershot: Ashgate, pp. 127–138.
- French Sh., Kneale J. (2012) Speculating on careless lives: annuitising the biofinancial subject. *Journal of Cultural Economy*, vol. 5, no 4, pp. 391–406.
- GAATW (2010) *Beyond Borders: Exploring Links Between Trafficking and Gender*, Bangkok: Global Alliance Against Traffic in Women.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford: Stanford University Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Hannam K., Sheller M., Urry J. (2006) Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, vol. 1, no 1, pp. 1–22.
- Harvey D. (1989) *The Postmodern Condition*, Baltimore: Johns Hopkins Press.
- Hillman M., Adams J., Whitelegg J. (1990) *One False Move... A Study of Children's Independent Mobility*, London: Policy Studies Institute.
- Hochschild A. R. (1997) *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York: Metropolitan Books.
- Hochschild A. R. (2000) Global Care Chains and Emotional Surplus On the Edge. *Living with Global Capitalism* (eds. W. Hutton, A. Giddens), London: Jonathan Cape, pp. 130–146.
- Hondagneu-Sotelo P. (2001) *Domestica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*, Berkeley: University of California Press.

- Hughes D. M. (2000) The Internet and sex industries: partners in global sexual exploitation. *IEEE Technology and Society Magazine*, no 2, pp. 35–42.
- ILO (2013) *Landmark Treaty for Domestic Workers Comes into Force*, Geneva: International Labour Office. Available at: http://www.ilo.org/global/standards/information-resources-and-publications/news/WCMS_220793/lang--en/index.htm?shared_from=media-mail (accessed 01.12.2014).
- ILO (2013) *Domestic Workers Across the World: Global and Regional Statistics and the Extent of Legal Protection*, Geneva: International Labour Office.
- ILO (2013) *New Support to Protect Girls and Women from "Modern Day Slavery"*, Geneva: International Labour Office. Available at: <http://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm> (accessed 01.12.2014).
- ILO (2013) *Ten Million Child Labourers in Domestic Work*, Geneva: International Labour Office. Available at: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_215170/lang--en/index.htm?shared_from=media-mail (accessed 01.12.2014).
- IOM (1998) *Information Campaign Against Trafficking in Women from Ukraine*, Geneva: International Organization for Migration.
- IOM (2006) *World Migration Report 2003: Managing Migration — Challenges and Responses for People on the Move*, Geneva: International Organization for Migration.
- IOM (2009) *Caring for trafficked persons: Guidance for Health Care Providers*, Geneva: International Organization for Migration.
- Jones A. (2008) A silent but mighty river: the costs of women's economic migration. *Signs*, vol. 33, no 4, pp. 761–769.
- Krcmar R. (2012) Targeting needs of male victims of human trafficking in Ukraine. *IOM Gender and Migration News*. no 38, pp. 6–8.
- KISA (2007) *KISA's Contribution to Cyprus' Report on the Resolution of the General Assembly of the United Nations 60/139 on "Violence Against Women Migrant Workers"*, Cyprus: KISA Action for Equality, Support, Antiracism.
- Lazaridis G. (2007) Les infirmières exclusives and migrant quasi-nurses in Greece. *European Journal of Women's Studies*, vol. 14, no 3, pp. 227–246.
- Lejbin V. (2011) Chelovek kak global'no-unikal'naja problema sovremennosti [A Human being as a unique problem of modernity]. *Vek globalizaci*, no 1, pp. 130–136.
- Lewis C. S. (2014) *The Abolition of Man*, Canada: Zamizdat University Press.
- Lukyanenko V., Khabarov M., Lukyanenko A. (2009) Homo consúmens — chelovek potrebljajushhij [Homo consúmens — a consuming human being]. *Vek globalizacii*, no 2, pp. 149–159.
- Lutz H. (2008) Introduction: Migrant Domestic Workers in Europe. *Migration and Domestic Work* (ed. H. Lutz), Burlington: Ashgate.
- Maher J. M. (2010) Reproduction and care. *The Globalization of Motherhood: Deconstructions and Reconstructions of Biology and Care* (eds. W. Chavkin, J. M. Maher), Abington: Routledge, pp. 16–30.
- Malone K. (2011) Changing global childhoods: the impact on children's independent mobility. *Global Studies of Childhood*, vol. 1, no 3, pp. 161–166.
- Mialon S. H. (2014) *Declining Moral Standards and The Role of Law*. Emory University, Department of Economics.
- Misra J., Woodring J., Merz S. (2006) The globalization of carework: immigration, economic restructuring, and the world-system. *Globalization*, vol. 3, no 3, pp. 317–332.
- Moghadam V. (1999) Gender and globalization: female labor and women's mobilization. *Journal of World Systems Research*, vol. V, no 2, pp. 367–388.
- O'Grady R. (2001) Eradicating pedophilia: toward the humanization of society. *Journal of International Affairs*, vol. 55, no 1, pp. 123–140.
- Parreñas R. S. (2001) Transgressing the nation state: the partial citizenship and imagined (global) community of migrant Filipina domestic workers. *Signs. Journal of Women in Culture and Society*, vol. 26, no 4, pp. 1129–1154.
- Parreñas R. S. (2005) *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*, Stanford: Stanford University Press.

- Ptoukha Institute for Demography and Social Studies (2010) *Naselennja Ukraïni. Trudova emigracija v Ukraïni* [The Population of Ukraine. Work Migration in Ukraine], Kyjiv: In-t demografii ta social'nih doslidzhen' im. M.V.Ptuhi NAN Ukraïni.
- Romero M., Preston V., Giles W. (2014) Care work in a globalizing world: when care work goes global. *Locating the Social Relations of Domestic Work* (eds. M. Romero, V. Preston, W. Giles), Farnham: Ashgate, pp. 29–44.
- Ruspini E. (2014) *Gender, Relationships and Social Change*, London: Policy Press.
- Sassen S. (2002) Women's burdens: counter-geographies of globalization and the feminization of survival. *Nordic Journal of International Law*, vol. 71, no 2, pp. 255–274.
- Shen Hsiu-Hua (2008) The purchase of transnational intimacy: women's bodies, transnational masculine privileges in Chinese economic zones. *Asian Studies Review*, vol. 32, no 1, pp. 57–75.
- Sherman R. (2008) Igrы v oteljah klassa "Ljuks": avtonomija, identichnost', soglasie [Games in luxury hotels: autonomy, identity, concord]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 5, pp. 47–61.
- Shevchuk M. (2012) *Karpachova: Morjaki — odna z najbil'sh nezahishhenih grup trudovih migrantiv*. ForUm. 20.04.2012. Available at: <http://for-ua.com/article/514529/> (accessed 01.12.2014).
- Shih Shu-May (1998) Gender and a new geopolitics of desire: the seduction of mainland women in Taiwan and Hong Kong media. *Signs*, vol. 23, no 2, pp. 287–319.
- Smart B. (2003) *Economy, Culture and Society: A Sociological Critique of Neo-liberalism*, Buckingham: Open University Press.
- Shulga N. (2011) *Drejfn na obochinu: dvadtsat' let obshhestvennyh izmenenij v Ukraine* [Drifting Sideways: Twenty Years of Societal Reforms in Ukraine], Kiev: Biznespoligraf.
- Sobennikova E. (2011) Teoreticheskie podhody k issledovaniju zhenskogo migracii v sovremennoj sociologicheskoy nauke: istorija stanovlenija i perspektivy razvitija [Theoretical approaches to the study of female migration in current sociology science: history of institutionalization and perspective for development]. *Global'nye demograficheskie problemy sovremenosti: migracija i migracionnaja politika* [Global Demographic Issues of Modernity: Migration and Migration Policy] (eds. V. Minaev, V. Zhiromskaja), Moscow: RGGU, pp. 269–278.
- Stearns P. N. (2005) Globalization and childhood. *Journal of Social History*, vol. 38, no 4, pp. 845–848.
- Sulejmenov I. Gabrieljan O., Shaltykova D., Sulejmenova K. (2014) Prostranstvo smyslovych kodov sovremennoj civilizacii [The space of sense codes of modern civilization]. *Istorija i sovremenost'*, no. 1, pp. 46–68.
- Susina Y. (2011) Vozmozhnosti globalizacii detstva putem ispol'zovanija novyh tehnologij [Possibilities for globalization of childhood through the use of modern technologies]. *Konstruirujta detskoe: filologija, istorija, antropologija* [Constructing Childhoodness: Philology, History, Anthropology] (eds. M. Balina, V. Bezrogov, S. Maslinskaja, K. Maslinskij, M. Tendryakova, S. Sheridan), Moscow, Saint-Petersburg: Azmut, Nestor-Istorija, pp. 497–517.
- Tartakovskaja I. (2010) Gendernye otnoshenija v privatnoj sfere [Gender relations in the private sphere]. *Laboratorium*, no 3, pp. 5–11.
- Tetty W. J. (2006) Globalization, the economy of desire, and cybersexual activity among Ghanaian youth. *Studies in Political Economy*, vol. 77, pp. 33–55.
- Timmerman Ch. (2008) Marriage in a "culture of migration": Emirdag marrying into Flanders. *European Review*, vol. 16, no 4, pp. 585–594.
- Tolstokorova A. (2010) Bitter berries of better life: socio-demographic costs of labour migration for the Ukrainian society. *ENQUIRE*, no 5, pp. 68–94. Available at: <http://www.nottingham.ac.uk/Sociology/Prospective/Postgraduate/ENQUIRE/ENQUIRE-Edition-5.aspx> (accessed 01.12.2014).
- Tolstokorova A. (2013) Ljubov' po telefonu: rol' mobil'noj telefonii v transnacional'nom materinstve ukraïnskijh migrantok [Love over the phone: the role of mobile telephone connection in transnational motherhood of Ukrainian migrant women]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XVI, no 4, pp. 142–158.
- Tolstokorova A. (2013) Transnacional'naja i gendernaja paradigmy v izuchenii mezhdunarodnoj mobil'nosti: na primere Ukraïny [Transnational and gender paradigms in the study of international mobility]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 2, pp. 98–121.
- Tyuryukanova E. (2000) Trudovaja migracija zhenshchin iz Rossii: legal'nye i nelegal'nye formy [Labour migration of women from Russia: legal and illegal forms]. *Zhenshchiny i process*

- social'no-jekonomicheskogo razvitija v Rossii i drugih stranah SNG* [Women and the Process of Socio-economic Development in Russia and Other ECA Countries], Moscow: Informacionno-analiticheskoe upravlenie apparata Soveta Federacii FS RF.
- UN (2006) *World Survey on the Role of Women in Development. Women and International Migration*, New York: United Nations Organization.
- UN (2013) *232 million international migrants living abroad worldwide—new UN global migration statistics reveal*. Press release. United Nations Organization. 11.09.2013. Available at: <http://esa.un.org/unmigration/wallchart2013.htm> (accessed 01.12.2014).
- UNODC (2008) *Global Report on Trafficking in Persons. Human Trafficking. A Crime that Shames Us All*, United Nations Office on Drugs and Crime.
- UNHCR (2012) *Displacement: The New 21st Century Challenge (UNHCR Global Challenge 2012)*, United Nation Human Commission for Rights.
- Urry J. (2000) *Sociology Beyond Societies: Mobilities for Twenty-First Century*, London: Routledge.
- Van Zantvliet P., Kalmijn M. (2013) Friendship networks and interethnic union formation: an analysis of immigrant children. *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 30, no 7, pp. 953–973.
- Veber A. (2009) Sovremennyj mir i problema global'nogo upravlenija [Modern world and the issue of global governance]. *Vek globalizacii*, no 1, pp. 3–15.
- Vuorela U. (2002) Transnational families: imagined and real communities. *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks* (eds. D. Bryceston, U. Vuorella), New York: Berg Publishers, pp. 63–82.
- Wells K. (2009) *Childhood in a Global Perspective*, Cambridge: Polity Press.
- Wyre R. (1995) *The Murder of Childhood*, London: Penguin Books.
- Zinoviev A. (2006) *Global'nyj chelovejnik* [Global Humanhill], Moscow: Algoritm, Eksmo.
- Zlotnik H. (2004) Population growth and international migration. *International Migration: Prospects and Policies in a Global Market* (eds. D. S. Massey, E. D. Taylor), Oxford: Oxford University Press, pp. 15–34.